

Две недели — недолгий срок; знакомство даже с такой маленькой страной, как Сьерра-Леоне, может быть лишь поверхностным. Но хозяева — в их роли в основном выступали британские чиновники — хотели показать товар лицом. И мне, как и другим моим коллегам-журналистам, удалось побывать и на железорудных разработках в Марампе, и в колледже, и в «настоящей африканской деревне», и на алмазных приисках.

Вот что мы видели.

ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ

— Э-э, нет, настоящей деревни поблизости от Фритауна вы не найдете, — говорил нам с корреспондентом чешского радио Верой Счэвичковой сержант Дэвис, он же по случаю празднования независимости¹ бармен в пресс-центре на Тауэр-хилл. — Здесь они грязные. Хорошую деревню надо искать подальше. Отъезжайте от города хотя бы миль на тридцать.

...Африканский полдень — неподходящее время для визитов. Деревушка — две дюжины хижин, разделенных дорогой, — словно вымерла.

Вера Счэвичкова, не раз бывавшая в африканских селениях и хорошо знакомая с местными порядками, предложила разыскать вожда. После распросов с помощью нашего шофера мы нашли его дом, который вначале приняли за мелочную лавку. Под навесом виднелись штуки яркого бумажного ситца, бутылки кока-колы, керосиновые лампы, ножи, кастрюли и прочая утварь. Вождь оказался африканцем лет пятидесяти, в брюках и рубашке, которую он заправлял уже на ходу. Поздоровавшись по-английски, он назвался «мистером Торпе» и пригласил в дом. Внутри было сумрачно и не так жарко. Гостям предложили два стула. Сам мистер Торпе сел на кровать. Он был заметно удивлен нашим визитом. Смущаясь, признался, что о наших странах «слышал мало», но держался доброжелательно и о своей деревне рассказывал охотно.

В Самуэльтауне около ста жителей. Деревня называется так по имени миссионера, основавшего здесь адвентистскую церковь. Раньше название было другим. Но каким — мистер Торпе не помнит. Он умеет читать и писать, поэтому «уже несколько ноября» его избирают вождем деревни. В этих ежегодных ноябрьских выборах — через месяц после дождей — принимает участие все взрослое население.

В чем заключается роль вождя? Он подбирает достойных людей — девять человек — в деревенский совет, улаживает споры и мирит односельчан, выступает представителем деревни перед властями из Фритауна и полицией. Совет деревни заботится о том, чтобы лучше выбирался очередной участок леса под следующий посев (здесь до сих пор преобладает подсечно-огневое земледелие), чтобы справедливо передавалась земля по наследству, ибо по здешним обычаям ее можно продавать только в том случае, если у владельца участка нет ни жены, ни родственников. Зато жену надо покупать. О цене, которая зависит от молодости, красоты, а главное от трудолюбия девушки, родители жениха и невесты долго торгуются.

Сейчас почти все мужчины и женщины деревни в лесу. До начала дождей они должны успеть под-

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ:

рубить деревья, чтобы солнце высушило их. Затем деревья сожгут, а участок засеют. Кустарных промыслов нет, и деревня живет только землей. Выращивают маниок, который называется здесь кассавой (из клубней его делают муку, из стеблей и листьев варят нечто вроде супа и готовят приправу к рису). Продают в город плоды масличных пальм, джиджу (имбирь), идущую на лекарство и напитки, орехи кола.

Продают также немного псыавы — дерева, волокна которого идут на изготовление фибры.

— За кого жители деревни голосовали на всеобщих выборах 1957 года, в результате которых большинство получила партия Маргая²? — спросили мы.

Мистер Торпе удивился и сказал, что об этих выборах «деревня, кажется, не знала».

— Чего ждете вы от независимости?

Вождь задумался.

— Мы ждем улучшений.

— Каких?

— Лучше обрабатывать землю, лучше учить детей.

— Каким образом?

— Надеемся узнать больше от других людей, от других стран.

Мы вышли во дворик. Сфотографировали семью вождя, поблагодарили его за внимание и направились было к машине, но вдруг услышали на краю деревни удары в деревянный барабан, звон бубна, неистовые крики и снова повернулись к вождю Торпе.

— У Канде три дня назад умер отец. Он и его родственники выгоняют дьявола.

Мы отправились посмотреть, ожидая увидеть печальный обряд. Но у хижины Канде происходило нечто обратное нашему представлению о поминках. Несколько крепко подвыпивших мужчин колотили чудище, выраженное в сплетенный из соломы остроконечный балахон. Парень размахивал большим британским флагом. Голые ребятишки с визгом носились вокруг. Женщины, некоторые с открытой грудью, хлопали в ладоши в такт барабану и ритмично раскачивали бедрами.

При виде фотоаппаратов и кинокамеры Канде-младший прокричал что-то, и все разом смолкли. Он подошел к нам и заговорил, протягивая руку. Вождь Торпе перевел. Они хотят получить подарок и тогда разрешат снять всю церемонию полностью. Мы выложили все, что нашлось: пять шиллингов, два шариковых карандаша. Канде взял «подарок», посоветовался с мужчинами и, вернувшись, сказал, что они согласны повторить сначала.

Смешанное впечатление осталось у меня от этой поездки. Как разное движется время в разных уголках земли! Восемь, а может быть, и девять из десяти сьерра-леонцев живут в таких вот «настоящих африканских деревнях», живут по обычаям предков. Покупают жен по обычаям предков. Сжигают лес

¹ 27 апреля 1961 года английская колония Сьерра-Леоне получила независимость.

² Мильтон Маргай — лидер буржуазной Народной партии, премьер-министр нового правительства Сьерра-Леоне.

и сеют рис, маниок, собирают орехи кола так же, как сто или двести лет назад. Так же в ноябре выбирают вождей. Время застыло для них. «Прогресс и цивилизация», принесенные британскими покорителями, выражаются для Самуэльтауна лишь в том, что здесь была открыта начальная школа — одна на несколько деревень, что в обряде «изгнания дьявола» принимают участие британский «Юнион Джек» и виски, а жители деревни платят налог центральным властям. Затерявшиеся в дебрях тропических лесов, они совершенно отрезаны от мира. Даже вождь, человек грамотный, не знает, что в его стране были «всеобщие» выборы, и весьма неопределенно представляет себе, что даст его деревне независимость.

Отдадим «должное» британским колониальным властям. В Лондоне отлично усвоили истину: зрячий раб найдет дорогу сам, освобожденный слепой пойдёт туда, куда его поведет поводьярь.

ПО КОДЕКСУ «РАВНОГО ПАРТНЕРСТВА»

Не хочу открывать Америку, но в Сьерра-Леоне я еще раз убедился, насколько многолик колониализм. Он может, как в «настоящей африканской деревне», выступать в роли консерватора, которого не сразу даже заметишь в глубокой тропической тени и присутствии которого только чувствуешь по тому, как пристально следит он за высотой и надежностью глухого феодально-патриархального забора, отгораживающего и изолирующего эту самую «настоящую африканскую деревню» от внешнего мира, от свежих ветров, дующих над континентом. Он может, как на железорудных разработках в Марампе, быть вполне современным дельцом-предпринимателем и социал-демагогом, проповедующим кодекс «равного партнерства» и даже «новые отношения в Африке XX века».

...Плоская равнина, огромный, с километр у подножия, красно-серый холм со срезанной верхушкой, шестизэтажное, расположившееся террасами по северному склону здание обогатительной фабрики со стенами из рифленого шифера. Эстакада ленточного транспортера метров в двести длиной протянулась к подъездным путям. Административный корпус. Это и есть железорудные разработки Марампы, вотчина английской «Девелопмент компани», сокращенно «Делько». Это и есть «новое слово» британского колониализма в Сьерра-Леоне, мудрое воплощение кодекса «равного партнерства» между метрополией и освобожденной колонией.

Иностранцев журналистов приветствовали руководители «Делько». Отвезли в отличный, в стиле модерн, клуб британских административных технических служб компании, напоили холодным, со льда, лимонадом, рассадили в «лендроверы» (английские «джипы»), провезли по разработкам на срезанной плешине холма и провели по обогатительной фабрике. По дороге нам сообщили, что «Делько» была основана еще тридцать лет назад, что рудники сейчас дают ежегодно более полутора миллионов тонн шестидесятипроцентного железорудного концентрата, что в ближайший год компания вложит

в них еще несколько миллионов фунтов стерлингов и производство будет увеличено вдвое. Дело прибыльное: разработки ведутся открыто, экскаваторами. Руда — серая порошкообразная масса — легко поддается обогащению самой простой и дешевой отмывкой. До морского порта рукой подать.

Но гвоздь программы еще был впереди. Он назывался «Делько» — для сьерра-леонцев». В номер входили: начальная школа на две классные комнаты; нечто вроде ремесленной школы, где молодые, лет пятнадцати, африканские парни, притихшие и неловкие в новеньких, выданных ради торжественного случая комбинезонах, обучались обращению с токарным станком и старательно обтачивали напильником стальные болванки; госпиталь на 50 коек; несколько одноэтажных жилых бараков, разделенных на небольшие боксы, «для рабочих Марампы».

Все эти постройки были сооружены два, от силы четыре года назад: кто-то из умных проповедников «новых отношений» вовремя спохватился. И теперь здесь, кажется, на всем крупными буквами написано: «Отдайте нам должное! Посмотрите, как мы заботимся о местных рабочих...»

Забываются! Еще как заботятся о том, чтобы африканцы богу молились за «Делько», чтобы вечно были благодарны они милостям британской администрации рудников, чтобы горой стояли за сохранение старых порядков в этом «райском уголке». Шести-восьмилетние детишки в школе, которых специально задержали на несколько часов и приодели в одинаковые костюмчики и платица к приезду гостей, встретили нас бодрой песенкой с припевом: «Мы все за «Делько», мы все за «Делько». Они дружно выбрасывали при этом свои маленькие черные кулачки и во все глаза глядели на незнакомых дядей. Это было, что называется, настоящее грубой работой, что переглянулись даже наши западные коллеги, а представитель компании стыдливо отвел взгляд.

В жилых блоках компании живут «пока» только мастера, ибо блоки рассчитаны лишь на триста семей, а всего на компанию работает более двух с половиной тысяч местных рабочих. Ежедневно они пешком добираются «туда и обратно» из местечка Лансар в нескольких милях от рудника, из соседних деревень. За день работы в удушающей жары сухого сезона, под бесконечным ливнем в сезон дождей, которые льют почти непрерывно в течение четырех месяцев, сьерра-леонцам, занятым на разработках, платят от пяти до одиннадцати шиллингов — столько стоят полторы-четыре пачки сигарет. Это по крайней мере в десять раз меньше, чем получает рабочий той же квалификации в Англии.

Когда же я спросил у представителя компании о его жалованье, он скромно ответил:

— Я доволен...

— Ну а в чем же выражается кодекс «равного партнерства»?

— Вы забыли, что прибыль на этих разработках делится «фифти-фифти»: половина компании, половина — правительству.

...Сьерра-Леоне сделала первый шаг к независимости. Впереди годы упорной борьбы.